

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Произошедшие за последние годы социальные изменения в России и Беларуси, связанные с провозглашением в обществе таких демократических ценностей, как свобода слова, свобода выбора языка для белорусов в условиях двуязычия, свобода вероисповедания, свобода личной инициативы и предпринимательства и т.п., оказали заметное влияние на процессы, регулирующие функционирование русского языка. «Стремление к свежей выразительности, к обновлению во что бы то ни стало влечет за собой резкий рост вариативности средств выражения, заставляет опробовать самые различные способы и приемы вербально-коммуникативного творчества» (В.Г. Костомаров, 1999).

Этот процесс обновления языковых средств проявляется прежде всего в словообразовании и фразообразовании, переосмыслениях, сдвигах в семантике слов, активном заимствовании для обозначений новых реалий из иностранных слов (чаще всего из американского варианта английского языка), а также активном использовании экспрессивных пластов книжно-славянской лексики, просторечия, диалектов, жаргонов.

Возрождение книжно-славянской лексики, в частности церковно-сакрального массива, связано с возросшим в наше время значением религий, прежде всего христианства, в нравственной и социально-политической жизни братских славянских народов, с огромным влиянием христианства на славянские языки, на искусство и культуру. В русском языке эта тенденция к возрождению намечалась еще во времена тоталитаризма, что нашло отражение в творчестве многих писателей, среди которых можно выделить А.Ахматову, Б.Пастернака, А.Солженицына, В.Распутина. Даже у атеистично настроенного И.Бродского издан сборник Рождественских стихов. Отход от классового принципа социального

обустройства ведет к изменению отношений и к обозначаемым реалиям, следовательно, меняется и стилистическая окраска слов, и даже словесный облик. «Так, слово *соборность* заменяет *коллективизм*», «*духовность* успешно вытесняет былые *партийность* и *народность*» (В.Г. Костомаров, 1999).

Конфессиональная лексика во времена Советского Союза сознательно устранилась, ее употребление было ограничено. Поэтому тексты художественной литературы для иностранных студентов, как правило, были адаптированы таким образом, что такие слова и словосочетания, как *Авва Отче, аллилуйя, алтарь, аминь, благовест, вериги, владыка, геенна огненная, грех, коленопреклонный, лампада, нимб, осанна, пастырь, праведник, приснопамятный, Спас, Сретение, схи́ма, херувим* и подобные им, практически не встречались; работа, естественно, с этим пластом речи преподавателями русского языка как иностранного не проводилась, поскольку подобные слова и словосочетания относились к редко употребляемым и имели в словарях советского времени пометы: арх., ист., стар., устар., выс. ст.. Сегодня они часто встречаются не только в печати, но и в устной речи, активно участвуют в формировании лексики современного русского языка. Более того, намечается тенденция к сознательному употреблению многих слов и выражений этого пласта речи, которые раньше имели насмешливо-иронический оттенок (например, *праведник, вечная память, почитать в бозе, ничтоже сумняшеся, как на духу* и п.), в нейтральном стиле, без указания оттенков. Аналогичные процессы происходят и с общелитературными словами высокого стиля — из старой книжности (*благорасположенность, благотворительность, воистину, вопрошать, лик, ратный, стезя, супостат, учтивость* и т. д.), которые чаще всего употреблялись с высокожественным, поэтическим, а иногда и с ироническим оттенком. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что они не воспринимаются как сугубо книжные, потому что исторически тесно связаны с духовной жизнью народа и необоснованно находились под искусственным запретом. Их сейчас предпочитают нейтральным синонимам: употребляются в речи *стеречь* вместо *охранять*, *метать* вместо *бросать*

и т.п.. Связано это, на наш взгляд, с естественным стремлением людей противопоставить высокий стиль книжной речи, с одной стороны, стилистической сниженности речи, обусловленной чрезмерным употреблением жаргона, просторечия, разговорной интонации, с другой — сдержатъ нахлынувший поток не всегда оправданных заимствований из иноязычной лексики.

Активизация конфессиональной лексики в современном языкотворчестве вызывает естественный интерес к ней иностранных учащихся, изучающих русский язык как иностранный на продвинутом и завершающем этапах обучения. Студенты на этих этапах уже достигли определенного уровня языковой, речевой и коммуникативной компетенций, овладели в какой-то мере основами лингвострановедческого анализа, что должно способствовать осознанному изучению конфессиональной лексики и идиоматики, органически входящей в состав языка художественных произведений.

Трудно представить талантливого поэта или писателя XX в., в чьем творчестве в той или иной мере не отразилась бы философия христианства, не использовались бы религиозные мотивы. На последнем курсе обучения русскому языку как иностранному с учетом традиционных принципов отбора художественных текстов предлагаются для изучения студентам-иностранцам фрагменты художественных произведений лауреатов Нобелевской премии — И. Бунина, В. Пастернака, М. Шолохова, А. Солженицына, И. Бродского. В творчестве каждого из указанных писателей, несмотря на атеистическое мировоззрение отдельных авторов — Шолохова, Бродского, значительную роль играет конфессиональная лексика и идиоматика, без знания которых затруднено восприятие и главной мысли произведения, и его содержания, и системы образов и т. п. Это связано с тем, что, как известно, язык художественного произведения, и в первую очередь поэтического, — это не внешняя, необязательная форма для определенного содержания, а прежде всего само содержание. Об этом писал еще в 1959 г. Г.О. Винокур: «Смысл литературно-художественного произведения представляет собой известное отношение между прямым значением слов, которыми оно написано, и самим содержанием,

темой. Язык со своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла, и вот почему художнику не все равно, как назвать то, что он видит и показывает другим»

Кроме содержательности языка художественной литературы, следует отметить, что это национальный язык, функционирующий во всей полноте своих возможностей, особенно экспрессивных, эстетических. Эта сторона языка художественных произведений ярко проявляется в поэзии лауреатов Нобелевской премии И. Бунина, Б. Пастернака, И. Бродского, и прежде всего в стихах, тематически связанных с христианством. Поэтому при поэтическом анализе, например творчества Б.Пастернака, конфессиональную лексику и идиоматику нельзя соотнести с нейтральными синонимами в современном русском языке, даже если они вполне эквивалентны им, потому что эта лексика и идиоматика, кроме традиционного стилистического назначения — создания торжественного высокого стиля стихотворения, требует и своего содержательного восприятия, отличного от нейтральных синонимических соответствий.

Так, первое стихотворение, с которым знакомятся иностранные студенты, работая над текстом романа Б.Пастернака «Доктор Живаго», — «Гамлет». Шекспировский Гамлет — один из вечных образов, для которого в определенной степени характерны внутренние противоречия и сомнения. За прошедшее время понятие «гамлетизм» наполнялось различным содержанием — от безволия до целеустремленной решительности. Пастернак этот образ наполнил новым содержанием: главный монолог Гамлета звучит у него как молитва Христа перед гибелью. Он просит: «Если только можешь, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси». Герой чувствует себя так же, как преследуемый фарисеями Христос, моливший своего Небесного Отца «пронеси чашу сию мимо Меня». Трудно в этом стихотворении даже понять, произносит ли этот монолог Гамлет или лирический герой, современник Пастернака: «Я один, все тонет в фарисействе». И очень важно понять точное значение слова *фарисейство*, потому что оно одно из ключевых. Слово это означает «отдельный», «обособленный», т.е. «лучше, превосходней» других. Фарис-

сейство — возникшее в Иудее общественно-религиозное течение, объединившее иудеев, которые возложили на себя обязанность следить за исполнением Закона, сами же исполняли его лишь внешне, не следуя его духу, нравственным заветам. В Евангелии фарисеи названы лицемерами. Отсюда переносное значение слова — лицемер, ханжа, и это значение становится определяющим для этого слова с библейских времен до нашего времени. Для Пастернака фарисейство является главной чертой его времени. Трудно найти синоним из современного русского языка, который мог бы полностью соответствовать в этом значении слову *фарисейство*. Только точно определив его значение, можно понять, почему заканчивается это стихотворение пословицей «жизнь прожить — не поле перейти», какова его основная мысль.

В стихотворении Б.Пастернака «Рождественская звезда» свет звезды пробивается сквозь время и пространство. На нее смотрят вифлеемские пастухи, ее видит лирический герой знаменитого русского поэта XX века. Он следует за ней так же, как в свое время за Рождественской звездой брели древние мудрецы, по пути духовного спасения. Рождественская звезда в стихотворении поэта — это не только символ духовного спасения, духовного возрождения, но и вполне исторический образ, связанный с конкретными образами волхва и Пресвятой Богородицы-Девы:

*Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостя, смотрела звезда Рождества.*

Язык поэтического произведения является конвенциональным, т.е. условным. Писательская установка на конвенциональное читательское восприятие представляет собой не только стилиобразующий фактор, но и определяет, как правило, способ изложения. Так, опираясь на широко используемое употребление символики конфессиональной лексики в русской поэзии XIX—начала XX в., Пастернак пишет стихот-

ворение «Свеча», в котором конкретика исторического образа отсутствует. Поэтому и способ изложения поэтом избран иной, отличный от «Рождественской звезды», «Гамлета». В этом стихотворении выражение «свеча горела» должно восприниматься читателем в соответствии с писательской установкой как поэтический символ живой человеческой души, тянущейся к бессмертию. И если читателем адекватно не воспринимается этот символ бессмертия, для него теряется смысл содержания произведения.

При организации работы по изучению публицистических текстов, текстов современной художественной литературы иностранными студентами на занятиях завершающего этапа обучения преподавателю русского языка как иностранного необходимо учитывать своеобразие конфессиональной лексики, которая играет значительную роль в современном языке.

*Н.П. Мозиленских, Л.П. Левченко
БГЭУ (Минск)*

ЛИНГВИСТИКА РЕКЛАМЫ С ПОЗИЦИЙ ИНФОРМОЛОГИИ

Тематика доклада продиктована социальным заказом наших дней, яркой характеристикой которых является информационно-коммуникативная революция, т.е. интенсивное развитие информационных технологий. В их ряду одно из лидирующих направлений занимает такое важное явление социальной и экономической жизни человека, как реклама. В нашей стране реклама стала предметом исследования экономистов и философов, и в меньшей степени лингвистов. Отечественная рекламная продукция с точки зрения языкового воплощения остается, к сожалению, крайне низкого качества. Мировая же практика, между тем, создала целые рекламные индустрии, где интенсивно ведутся разработки психологического, социального и лингвистического характера.

Мы рассматриваем рекламу в качестве информации побудительного свойства, преследующую определенные цели, информационное поле которой многогранно и разнообразно.